

Католический университет им. Петера Пазманя
Факультет философских и общественных наук
Докторантура исторических наук

**АВТОРЕФЕРАТ ДОКТОРСКОЙ (PhD)
ДИССЕРТАЦИИ**

Марианны Ришко

Жизнь и мученичество

Александра Хиры (1897-1983) – епископа

Мукачевской Греко-Католической Епархии

Студия истории экономики, политики, региона

Руководитель студии: др. исторических наук Иштван Берени

Научный руководитель: канд. исторических наук Йожеф Ботлик

Будапешт

2017

I. Предыстория, постановка вопроса

Освещение жизненного пути и истории служения Александра Хиры – тайного епископа, «белого мученика», являющегося объектом данного исследования, было серьезным вызовом, ведь имя его известно не только на своей родине, но и в Караганде, и среди католиков Новосибирска, а также среди карагандинских немцев, переселившихся в Баварию. Мукачевская Греко-Католическая Епархия 8 декабря 2003 года официально открыла информационный цикл процесса беатификации епископов Александра Хиры и Петра Ороса (1917-1953), а также их собратьев, 78 священников-мучеников. Спустя сем лет, за исключением процесса мученика Петра Ороса, процедура священников-исповедников, как и епископа Хиры, оборвалась. Народное почитание однако даже спустя три десятилетия после смерти «белого мученика» остается неизменным. Этим и обусловлена актуальность темы диссертационного исследования.

Длинная жизнь тайного епископа, полна глубоких страданий, и все же жизнерадостности, как и глубокого призвания миссии и служения, охватывает солидный период истории его родной епархии 20 века, с двумя мировыми войнами и множеством смен государственной власти. Здесь – и отрыв от тысячелетней родины и раздробленность, которые сразу же привели к структуральным изменениям и территориальному сокращению епархии; и тяжелые, сложные угрозы чехословацкого периода; перенесенные потрясения пред новой войной и краткой реставрацией венгерского государственного правления; а вследствие советской оккупации и окончательной победы «советизации» – в качестве самого тяжелого удара – подрыв религиозной жизни, физическое уничтожение и переход на подземное существование.

Исследуя архивные материалы, статьи и письма епископа, ранее неизвестные свидетельства современников, друзей, собратьев, вырисовывается подлинный облик не только священника и тайного епископа, источники его ментальной и духовной силы. Проявились и крутые

исторические повороты истории Закарпатья 20 века, Мукачевской греко-католической епархии, как и мир, созданный «советской Голгофой».

В ходе диссертационного исследования преследовалась тройная цель. Прежде всего была поставлена цель осветить основные этапы жизненного пути епископа, полного вызовов и волнующих поворотов. Затем, рассматривая отдельные периоды его жизни в контексте соответствующих исторических времен, продемонстрировать положение Мукачевской епархии и роль ее епископов в условиях церковной политики сменявших друг друга государственных властей. И наконец, обнаруженные в ходе исследования свидетельства, как и личная переписка отца Александра были собраны и с целью способствования и продолжения прерванного процесса беатификации.

Для достижения поставленных целей задачей исследования было найти ответы на возникшие такие вопросы, как политическое мировоззрение и национальная идентичность Александра Хиры, причины и цель написания его возникшего так таинственно реферата из истории епархии, и не в последнюю очередь, в чем секрет того, что в 1983 году, после его смерти, а в общей сложности после 8 лет ГУЛАГА и 26 лет административной высылки, вопреки предельно внимательного надзора КГБ, епископ Александр оставил цветущую церковную жизнь на обеих своих родинах.

II. Материалы и методы исследования, основное содержание работы

Исследование было построено на обзоре и анализе широкого круга привлеченных разных опубликованных и неопубликованных источников. Были обработаны материалы фондов девяти архивов, мемуары, годовые отчеты гимназии, архивные материалы деканата Теологического Университета Будапешта, письма из разных наследий. В том числе были привлечены и материалы интервьюирования от Берегова до Ужгорода, от Вельховцов до Караганды и Сибири, от Будапешта до Баварии. Основным методом исследования стал сравнительный и критический анализ всех привлеченных источников.

Диссертация состоит из шести глав, разделенных на дальнейшие разделы. Первая глава, в которой представлены детские и юношеские годы Александра Хиры начинается с довольно объемного введения, где рассматриваются социальные и религиозные отношения карпаторусинов на рубеже 19-20. века до первой мировой войны. В разделе рассматриваются вопросы массовой эмиграции русинского населения и еврейской иммиграции, «Верховинской Акции» и схизматического процесса. Отдельный раздел посвящен неизвестному доселе широко разветвленному родословному древу семьи Хиры, которое представляет наследственность священнического призвания на протяжении двести лет, хорошо иллюстрируя и постепенное развитие уровня образования греко-католического епархиального священства. Краткий раздел описывает место рождения и среду, которая вместе с современными социальными и политическими условиями способствовали формированию взрослой приверженности Александра Хиры.

Следующие подразделы посвящены годам учебы в гимназии отцов-пиаристов города Мароморосигет и в Центральной Семинарии Будапешта, которые совпали с периодом первой мировой войны, революции и сменой государственной власти.

Чехословацкому периоду между двумя мировыми войнами посвящен отдельный раздел с подразделением, в которых рассматриваются корни и направления религиозной и национальной политики чехословацкого правительства, схизматическое движение и расширение воинствующего православия в Нереснице и Вильховцах – местах служения Корнелия Хиры. Затем следует описание круто восходящей священнической карьеры молодого Александра Хиры, а также анализ его публикационной деятельности. Отдельные подразделы посвящены периоду его педагогической и многогранной священнической деятельности, раннего участия в епархиальной власти, неожиданной епископальной смены и кандидатуре на звание епископа.

Положению Мукачевской Греко-Католической Епархии в условиях краткой своеобразной реставрации венгерской власти после Венского арбитража, территориальному расколу и многогранной опасности со стороны украинского национализма, а также сдвигу Александра Хиры с поста ректора семинарии, предпосылкам епископских решений, и

назначению папским прелатом посвящена третья глава. Здесь же освещен напряженный период вакантности мукачевского епископства, освящение нового епископа и назначение Александра Хиры викарием.

Четвертая глава посвящена смене государственной власти и формации, вызванной советской оккупацией, напряженной борьбе молодого епископа и опытного викария за сохранение семинарии, церков и официальную регистрацию епархии в условиях все больше ожесточенного антиклерикального давления. Здесь же освещена предистория и обстоятельства обоснованно тайного рукоположения епископа Александра, как и сложного осуществления заказного убийства епископа Ромжи, его государственно-политическая обоснованность. В отдельном разделе представлен конспект истории епархии, написанный тайным епископом в 1948 году, в условиях уже явного церковного преследования.

Пятая глава посвящена истории личных страданий епископа Хиры в контексте истории ликвидации мукачевской епархии. Описание сопровождает епископа от ареста, через тюремное заключение и осуждение, а также через длинные годы, проведенные в лагерях ГУЛАГа сквозь призму воспоминаний и показаний очевидцев. Пытается реконструировать события и обстоятельства краткого промежутка времени от октября 1956 года до января 1957 года, между освобождением и возвращением на родину до приказной высылки.

Последняя, шестая глава дает представление о сталинском геноциде, о депортации миллионов, о драматическом начале зарождения казахстанской Караганды. Глава освещает последние 26 лет жизни епископа Хиры, базируясь на его личной переписке, архивных данных, свидетельских показаний. В последнем кратком разделе идет речь о тайном служении епископа в своей родной мукачевской епархии.

В диссертацию удалось включить только небольшую часть ценных свидетельских показаний и писем. Остальные, вместе с большей частью криминального дела отца Александра, таблицами, фотографиями прилагаются в отдельном томе.

III. Результаты исследования и новизна исследования

В ходе исследования одним из самых ранних открытий оказалось родословное древо семьи Хиры, созданное Бендас Иштваном, известным каноником мукачевской епархии, которого с семьей Хиры связывали и родственные узы. Обнаружилось, что даже на фоне единственной греко-католической и потомственно-духовенской семьи можно проследить постепенное развитие образования в среде духовенства мукачевской епархии, как результат больших усилий ее исторических епископов, чтобы решить вопрос у себя в епархии и достичь уровень образованности духовенства латинского обряда. Бендас до шестого колена описывает священников родословной, аккуратно указывая места их учебы: в Буде или в Вене, Эгере или в Братиславе, или же в мукачевской школе. А вниз от четвертого колена большинство уже проходило учебу в ужгородской семинарии, за исключением двоих, которые прошли ее в Трнаве. Поздние епископы, среди них и епископ Александр Хира, не только знали о практике своих предшественников, но и следовали ихнему примеру в плане приверженности к восточному обряду и литургическому старославянскому языку, а также в плане усилий в деле образования епархиального духовенства.

В диссертации впервые раскрыты детали долгих лет учебы молодого Александра Хиры в гимназии и семинарии. Оказалось, что в военное время и для теологов, и для богословского факультета самым критическим оказался 1918-1919-ый учебный год. Во втором семестре семинария лишилась тех учеников, которые «либо не могли, либо не хотели» вернуться. Александр Хира однако решил продолжить учебу. В конце марта 1919 года вспыхнула пролетарская диктатура, и молодые теологи, расслышав известие о возможности ликвидации богословского факультета, перевелись либо на медицинский, либо на исторический. Средт последних оказался и Александр Хира. Однако теологи не забросили и свою богословскую учебу. Сколько выносливости потребовалось от богословов в этот тяжкий период, видно и с университетской регистрационной книги. В конце 5-летнего курса молодой выпускник Александр получил диплом вместе только с пятью из семнадцати бывших однокурсников. В ходе

исследования всплыл и тот факт, что из числа выпускников-теологов 1920 года ни один богослов не соискал ученую степень. Однако факт, что молодой клирик Хира на первых трех курсах все же воспользовался предложенными возможностями университета, и кроме обязательных предметов выполнил и научные семинары. То есть желание достичь ученой степени было, однако перевороты 1918-1919 года перечеркнули эти планы. Трудлюбие и настойчивость однако принесли свои плоды: диплом с отличием.

Новизна итогов исследования и в том, что на основании анализа архивных материалов и публицистической деятельности отца Александра удалось не только реконструировать обстоятельства вновь вспыхнувшего схизматического движения в селах в Нереснице и Вильховцах вначале 1920-х гг., но и выяснить, что именно эти события послужили толчком для начала апостольской публицистической деятельности молодого священника.

К новому результату привел и анализ политической деятельности молодого, откровенного и хорошо образованного отца Александра, который рано, уже в 1923 году обратил на себя внимание старшего поколения епархиального духовенства, как и епископа Петра Гебея, который пытался объединить духовенство в рядах русинской Христианской Народной Партии, созданной в 1924 году. Отец Александр, который от начала своего служения на страницах газет и в ходе народных собраний активно включился в борьбу во имя защиты русинской веры, под влиянием и предложению епископа в 1924 году вступил в христианскую партию.

Одной из очередных поставленных задач было установление национальной идентичности Александра Хиры – священника с родным венгерский языком, венгеро-латинским образованием, который однако так искренно искал духовный, интеллектуальный и национальный путь развития русинского народа. Как раз это миссионерское призвание и привело его к украинофильскому течению. Однако как только начали проявляться признаки вначале скрытого украинского ирредентизма и усилились националистические тенденции, отец Александр постепенно разочаровался и в 1936 году вышел из состава христианской партии. Исследование в итоге привело к выводу, что по своему политическому мировоззрению отец Александр был умеренным политиком, и что в национальном отношении

будет справедливо считать его человеком двойной, венгеро-русинской идентичности. Временная приверженность к украинофильскому течению на самом деле было выражением его отождествления с русинским народом.

Одним из самых неожиданных открытий оказался рукописный конспект из истории епархии на 77 страницах, написанный отцом Александром на русинском языке в 1948 году, который пролежал долгие годы в забвении в следственном деле Томаша Чекана (Ивана Смутного, согласно тайной клички агента) – бывшего мукачевского адвоката, который осенью 1947 года получил задание войти в доверие прелата-каноника Хиры и добиться того, чтобы тот согласился написать краткую историю и положение дел в мукачевской епархии. Вопрос в том, почему каноник отнесся положительно на предложение, принял риск попасть в ловушку, написал и передал конспект в руки «ежедневно и очень упорно надоедавшего» Чекана. Исследование привело к выводу, что весной 1948 года можно исключить версию доверия, согласно которого тайный епископ пошел бы на взаимодействие или счел бы возможными любые переговоры с партийными функционерами. В то же время, в условиях близкой угрозы прекращения легитимации епархии он в качестве и священника, и епископа сознательно написал историю епархии, с гордостью показав свою епархию коммунистическому государству и покоровшимся ему руководителям православной церкви. Выражая этим как-будто следующее: это – то, что государство хочет разрушить, не имея однако над ним власти... Рукопись в венгерском переводе вошла также в отдельный том Приложений.

Как и материалы следственного дела епископа, большая часть которого легла в основу пятой главы диссертации. Анализируя материалы протоколов допросов можно подытожить характерное поведение тайного епископа в ходе длительных, многомесячных и изнурительных допросов в ужгородской и киевской тюрьмах МГБ. В вопросах, касающихся его семьи или собратов священников он пользовался методом взвешенного умалчивания, или же сообщал всеобщезвестную информацию. В то же время на касающиеся его лично вопросы отвечал с удивительной искренностью, а в отношении епархии объективно, беспристрастно. Ответы его были прямыми, уверенными, свободными от выговораживания, как и от нападения.

Период предварительного заключения, затем длительный семилетний период заключения в лагерях ГУЛАГа довольно бедный на официальные источники. Удалось однако достичь, что Информационные Центры, хранящие материалы бывших лагерей, дали пусть немногословные, все же официальные сообщения. Таким образом было подтверждено, что Александр Хира, осужденный 6 августа 1949 года, из тюрьмы №7 г. Киев 2 октября того же года прибыл в «особый лагерь» №7 Иркутской области, откуда в августе 1951 года убыл в Камышевский ИТЛ Омской области. Несравнимо красноречивее звучат убедительные свидетельства выживших бывших узников: *«Отец Александр был человеком очень твердой, устойчивой, сильной веры. В лагере он поддерживал веру многих, вместе с тем был смиренным человеком.»*

Несмотря на то, что из Информационного Центра Управления МВД Российской Федерации по Омской области поступило сообщение, что в Центре на хранении нет архивного дела Хира Александра, свидетельские показания, как и следственное дело епископа однозначно подтверждают факт, что он отбывал заключение и в лагерях Омской области.

На основании свидетельских показаний удалось реконструировать события и краткого периода после освобождения и возвращения на родину. Оказалось, епископ считал самым неотложным делом рукоположение клириков–выпускников 1948 года, которые остались без освящения. Испытав в лагерях неоднократные угрозы физического существования – а косвенно и влияние событий венгерской революции 1956 года –, после освобождения и приезда домой епископ счел, пришло время отказа от дальнейшего сохранения глубокой тайны, и в силу наданной ему власти епископа освятить бывших своих учеников. Затем строжайше предупредил рукополагаемых священников: *«Видите, какова ситуация. Половину духовенства епархии сослали в Сибирь. Возможно, заберут и остальных. Однако епархию нельзя оставлять без священников. Сейчас мы вас освятим, но храните это в глубочайшей тайне. Ведите себя так, как раньше, чтобы никто не заподозрил, что вы – священники.»*

В ходе исследования выяснилось, что правительство Хрущева 5 ноября 1956 года направило специальное решение от имени Верховного Совета СССР Народному Совету Закарпатья о запрете прописки Александра

Хиры и остальных двух лиц на территории УССР. Из свидетельских показаний выяснилось, что уже 17 января 1957 года от епископа Александра, который в кругу своей семьи принимал поздравления по случаю 60-летия, потребовали немедленно покинуть родные края. А в ходе карагандинского исследования была найдена автобиография отца Александра, написана за год до своей смерти, в 1982 году, в которой он указал, что прибыл в Караганду 27 января 1957 года.

О 26 годах служения между немецкими и польскими римокатоликами, как и украинскими греко-католиками «патера Александра», который безукоризненно разговаривал и на немецком языке, об угрозах и результатах его душпастьерской работы проливает свет множество достоверных показаний. Подобно тому, как и о более двадцатилетней тайной службе на пользу своей родной мукачевской епархии, которую он посещал ежегодно из расстояния 5000 км. О том, каким образом оценил он сам свою ссылку, насколько был обеспокоен и как внимательно следил за положением дел своей епархии, которая продолжала свое катакомбное существование, представляет немало доказательств и неизвестная доселе личная переписка отца Александра на красноречивом венгерском языке.

А изучение немецкоязычной переписки епископа привело также к открытию. Из письма, адресованному своему любимому ученику, Иосифу Верту выяснилось, что перед своим освящением молодой клирик Александр Хира избрал своим священническим девизом очень характерное *«Господи, я последую за Тобой, куда бы Ты ни шел!»* (Лк 9,57) Собрав множество данных о длительном, нелегком жизненном пути епископа Хиры, можно определить, что выбранный перед рукоположением девиз как-будто предопределил все его дальнейшее служение, характер, менталитет, и определил все важнейшие решения жизни.

Итоговое заключение диссертации: епископ Александр мученик той эпохи, в которой в силу идеологических и политических причин религиозные преследования создали новый тип мученика-свидетеля. Александр Хира прежде всего стал свидетелем мужественной, не склонной к компромиссу веры, когда не только принял страдание, но и предложил нести его с терпением. Это – человек Евангелия, служение которого обогатило и во многом способствовало формированию церковной истории своей эпохи.

IV. Публикации по теме

- Chira Sándor, a töretlen hitű püspök életútja. Avagy: közösségformáló-e a tanúságtevő élet? In: Hallgatói Műhelytanulmányok 2. Debreceni Egyetem Történelmi és Néprajzi Doktori Iskola. Debrecen, 2013. 286-294.
- „*Uram, követlek, bárhová is mégy!*” Chira Sándor (1897-1983) hitvalló püspök életútja. In: PhD Konferencia-kötet. Balassi Intézet. ISBN 978-615-5389-09-2. Debrecen, 2013. 479-493.
- „*A jó harcot megharcoltam, a hitet megőriztem...*” Betekintés Chira Sándor püspök életútjába a források tanúságával. In: Acta Academiae Beregsasiensis. XIII. évfolyam 1. kötet. ISSN 2310-1954. Beregszász–Ungvár, 2014. 166-178.
- Невідомий рукопис єпископа Олександра Хіри – інтригуюча знахідка в архіві СБУ. In: Наукові записки Ужгородського університету. Серія: Науково-релігійні студії. Випуск. 3. Ужгород. 2014. 125-143.
- Chira Sándor (1897-1983) ismeretlen jegyzete a KGB-levéltár rejtekében. In: Miles Christi. MMXIV. A.D. 2014. 203-2017.
- Chira Sándor püspök nemzeti, nemzetiségi identitásának problémájához. In: Ruzsinok a második világháború utolsó évében. Tudományos tanulmányok gyűjteménye. Első könyv. ARCHI+MED. Budapest. 2015. 127-144.